

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Его стихи, баллады, песни да весь его облик и рокочущий голос – веяли оптимизмом, жадной жизни, неуёмной страстью к новым дорогам и открытиям. В 67 лет широко признанный поэт-песенник, профессор Литинститута Лев Ошанин закончил стихотворение задорной строфой:

*В ладонях друзей согревал я ладони.
Навстречу взрывались снега и дожди.
Весь мир обошел, поседел я и понял,
Что я еще молод и всё вперед.*

Да, стихи и песни Ошанина дышат молодостью и влюбленностью в мир, дорогу, песню, что поневоле заражают всякого, кто прикоснется к его творчеству. Недаром благотворительный творческий фонд имени Л. Ошанина в Рыбинске называется “Солнечный круг” по первой строчке знаменитой песни “Пусть всегда будет солнце!”. Ярославские земляки (позывные радио здесь – первая строчка песни “А вокруг меня – Ярославия”) к 100-летию со дня рождения Ошанина объявили конкурс молодых литераторов в честь круглого юбилея. Руководитель семинара, где учились Василий Белов, Геннадий Касмынин, Владислав Артемов, снова собрал вокруг себя молодых поэтов – 168 откликнулось из разных краев России. Как-то будет отмечен юбилей в общероссийском масштабе?

На набережной в Рыбинске был установлен памятник славному уроженцу, увы, неудачный. Вот что написал тогда единственный в городе член Союза писателей России Сергей Хомутов: “Сходства нет, да плюс к тому же и красоты великой, олицетворяющей символ города, тоже не наблюдается. В том, что происходит, вины скульптора из Средней Азии нет, он просто не был знаком с Л. И. Ошаниным. Но вина ляжет на людей, благословивших установку нелепой скульптуры в одном из самых красивых уголков Рыбинска”. Дискуссия отшумела, памятник был установлен на Волжской набережной, где любил бродить Ошанин, где довелось и мне стоять рядом с учителем по Литературному институту и старшим товарищем по многим дорогам и общественным писательским делам. Достаточно сказать, что вслед за Ошаниным я стал и председателем Фатьяновского комитета, и председателем творческого объединения поэтов Москвы, и руководителем “Поэтической студии на Никитской”.

Предисловие к своему избранному в библиотечке “Молодой гвардии” Лев Иванович предложил написать двадцатилетнему Феликсу Чуеву, чем вызвал

недоумение многих мэтров: как? — почти неизвестному мальчишке! Но в этом — весь Ошанин. Вот и в 1977 году, когда Политехнический проводил большой вечер в честь его 65-летия, он попросил вести его... меня, своего недавнего семинариста. Хотя столько громких имен и фигур за честь бы сочли! Я страшно волновался, и на пике какого-то эмоционального подъема сочинил стихотворение:

*Говорил один ценитель строгий,
Низвергать привыкший — не любить,
Что поют все меньше “Эх, дороги...”
Я ответил: “Так должно и быть!”.*

*Может, это — высшая награда
Песне, остающейся живой
И пропетою столько, сколько надо
Для великой песни фронтовой.*

*Нас по мирным тропам носят ноги,
Мы легки на споры, на подъем,
Но не дай Бог, если по тревоге
Час дадут на сборы,
и в дороге
Все мы “Эх, дороги...” запоем...*

Увы, я угадал — вскоре запели. Афганистан, потом “горячие точки” от Таджикистана до Приднестровья, наконец, кошмар Чечни:

*Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...*

“Неживой” — страшный, пронзительно точный эпитет, относящийся не только к трупам молоденьких солдат, к потерявшим сознание от горя матерям и подругам, но ко всем нам — свидетелям и жертвам страшных времен. Великая и пророческая песня!

Последняя книга Льва Ивановича “Вьюга смешала землю с небом...” писалась в Америке, где жил он несколько месяцев, оторвавшись несколько от жизни любимой, разрушаемой Россией в самый, может быть, переломный момент. Я стал одним из первых читателей свежей рукописи, которую Ошанин предложил издательству, где я был тогда главным редактором, по благодущию думая, что такая книга может пойти на изменившемся диком книжном рынке по реальной стоимости издания. Но это уже было невозможным даже для книги сокровенных воспоминаний, лучших стихов и песен Ошанина — автора более семидесяти сборников, которые в советские времена расходились миллионными тиражами.

Прочитав рукопись, я сделал только одно принципиальное редакторское замечание — на правах давней дружбы: “Лев Иванович, уберите, пожалуйста, тот абзац, где вы сокрушаетесь, что посвятили всю жизнь идее социализма, которая оказалась несостоятельной (или “исчерпала себя” — точно не помню). Не при нас она возникла; и умрет, может быть, тогда, когда воплотится в реальную, несхематичную жизнь...”. Мастер слушал недоверчиво и рукопись забирал, по-моему, с обидой. Через некоторое время в вышедшей при помощи спонсоров книге (что в принципе было унижительно для автора всенародно любимых песен) я прочитал уже совсем иной абзац: “Я готов отвечать за свою веру и за всё, что было со мной много лет назад и что ушло безвозвратно”.

Верю, что песенный стих Льва Ивановича Ошанина не уйдет безвозвратно, как и его притягательный образ, пока живы мы, близкие поэта, его ученики, все любители истинно поэтической песни. Да не померкнет солнечный круг!